

МАРК
КАЗАРНОВСКИЙ

С НЕБА
НЕ ТОЛЬКО
ЗВЁЗДЫ

Марк Яковлевич Казарновский

С неба не только звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49868330

С неба не только звезды:

ISBN 978-5-00165-020-1

Аннотация

Книга состоит из четырех повестей. В них судьбы героев тесно переплетаются с жизнью страны, в которой почти все они и выросли. Герои книги прошли все, или почти все. В их жизни не было подлости, предательства. А любовь, дружба, горькие потери, поход во взрослую жизнь – все это с ними произошло. Герои книги шагают, не растеряв человечности ни в глухих архангельских лесах, ни в спецприемниках и детских домах, ни в закрытых секретных заводах. Это честные и верные дружбе люди.

Содержание

Чистые пруды	4
Супница	30
Рассказ заведующего цехом завода №557	30
Махоткина Владимира, записанный им лично	
Послесловие	65
Часть вторая или десять лет спустя	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

М. Я. Казарновский

С неба не только звезды

Чистые пруды

ПЕРЕХОД ВО ВЬЮНОШЕСКИЙ ВОЗРАСТ

Время – шло. И мы, мальчики, выросли. Зимой мы бегали уже в «Инфизкульт», катались на коньках, не очень задумываясь, что эти красивые здания, где внутри спортзалы и комнаты общежития, когда-то принадлежали Алексею Разумовскому, возлюбленному, а потом и мужу Императрицы Елизаветы Петровны. То есть, вроде бы и императору.

А мы катались на коньках и пытались тоже играть в хоккей. Гоняли палками кусочки угля – благо черный, видно хорошо. У одного-двух ребят всегда оказывались клюшки, и это было сущее наказание. То есть, этот кусок угля, или банка от шпрот рижских попадала тебе по ногам. Очень больно. А ежели, совсем редко, по физиономии – совсем беда. В том смысле, что вечером предстояло объяснение с мамой. А мама – одна, целый день на работе.

– Ну и что из тебя вырастет. Вон, смотри, Лёва Розенталь, читает книги, записан даже в читальный зал Клуба железно-

дорожников. А ты!

И так далее, «со всеми остановками».

А мы выросли. Скорее даже, не выросли, а росли. Ибо ума набирались не много. Учил нас двор. Да еще сад им. Баумана. Но постепенно мы перестали, затаив дыхание, смотреть на битвы бильярдистов – «левый от угла в середину». Перестали болеть за шахматистов нашего Сада. Да и к танцплощадке охладели. Там уже не было Тони и Леши-танцора¹. Правда, иногда мы к ним заглядывали. Во дворах ул. Карла Маркса, ныне Старо-Басманной, было еще много двухэтажных домиков. В одном из них, почти напротив церкви Ивана Мученика, и жили Леша и Тоня. Первый этаж, да палисадник с сиренью. Враз забываешь, что ты в Москве.

Мы приходили с немудреным пакетом ирисок, всегда слипшихся, Леша выкатывался на своей платформочке, мы ловко (уже окрепли да подросли) поднимали его на лавку и начинались беседы.

О войне уже старались не говорить. Мы, хоть пацаны и не особо чувствительные, но видели, как у Леши начинали дрожать руки и губы застывали в непонятной для нас гримасе.

А вот о чем мы говорили, осторожно, иносказательно, завуалированно, так это о женском поле. Многое мы пытались узнать у Леши. И как это – целоваться. И что такое – овладеть девушкой. И многое-многое, что было не то, чтобы скрыто от нас. А просто – неизвестно. Ибо литературы никакой не

¹ См.: Казарновский М. «Дым отечества», СПб, стр. 156.

было, не у мамы же спрашивать. Правда, был Витька Баев. Он старше нас и уже успел посидеть. Не долго, года этак три. Уже не помнится, за что.

Витька обладал массой мужских достоинств. Хорошо пел. Но главное, бил чечетку. И хвастал – она его спасала в лагере. «Как на работы идти, я – в КВУ (культурно-воспитательная часть). Мол, так и так, дорогие начальнички, мне нужно к 1 мая готовить программу. Не до лесных работ. Прошу освобождения на три недели для подготовки. И что думаете – давали». После этого тут же с хода начинал «бить» цыганочку. И еще – зубами открывал бутылку с пивом. Мы млели и учились.

Да и по интересовавшему нас, женскому, то есть, вопросу он был весьма и весьма эрудирован. Теперь-то я понимаю – врал все Витька Баев. Но так захватывающе. С такими подробностями, что мы уже в такие вечера спать никак не могли. И в школу ползли, как сонные осенние мухи.

Особенно нас впечатляли его рассказы о татуировках в интимных местах. Витька упивался нашим изумлением и выдавал все новые и новые подробности «тюремного секса».

– Вот, например, – важно говорил он, – на заднице мы всегда накальваем: «мы ждем тебя, братан». И полукругом. Красиво, а?

Мы замирали.

– А еще, – подливал Витек, – на члене мы делаем наколку: «Люблю Веру Розу Ра».

– И чё, у тебя тоже есть такое? – Спрашивали мы, здорово смущаясь, однако.

– Еще как есть, – хвастал Витька, но татуировок никогда не показывал.

Теперь я думаю, может у него их и не было. Вообще, дома у Витьки было интересно. Жили они в маленькой, но отдельной квартирке на первом этаже двухэтажного домика. Это – почти конец Подколокольного переулка, ближе к Солянке. А вся эта местность – бывшая знаменитая Хитровка. Неправда, что она враз сгнула. Как только наступила Советская власть всех трудящихся, умное жулье и иные обитатели трущоб ринулись на захват жилплощади. И получилось. Вот и Витька хвастливо рассказывал, как они выгоняли владелицу этих скромных ночлежек. И живет она в этом же домике, но на втором этаже и в комнатке для прислуги. Витька особо это подчеркивал – в комнатке для прислуги.

Однако, о Хитровке попозже. А пока мы все увлеклись кино. И ринулись в наши близлежащие кинотеатры.

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

Так вот, мы увлеклись кино. Какое это счастье, как все интересно – еще бы, одна, две кинокартины в год. Но какие! «Парень из нашего города» с песней «В далекий край товарищ улетает, за ним родные ветры вслед летят. Знакомый город в синей дымке тает...» Кстати, «в синей дымке тает»

нам часто слышалось «...чего-то там Китая...»

Это мы бежали смотреть в кинотеатр «Спартак», что на Земляном валу. «Ш Интернационал», почти сразу за Елоховским собором, там всегда смотрели «первую перчатку» – «...закаляйся, если хочешь быть здоров, постарайся позабыть про докторов, водой холодной обливайся, если хочешь быть здоров...» – распевали мы теперь во дворе и лихо разбивали друг дружке носы.

А «Родина» – Сталинское метро, или трамвай, кажется, №50. В 1944–1945 годах мы смотрели там исчезнувший почти сразу фильм «Зигмунд Колосовский». В этом же кинотеатре шел «Подвиг разведчика» – «вы болван, Штюбинг...» «За нашу победу...» и главное – «...продается ли у вас славянский шкаф...» Теперь мы к приятелям приходили с возгласом о славянском шкафе и ждали ответа – «...шкаф уже продан, господин хороший...». «Родина», теперь понимаем, была кинотеатром, ориентированным сугубо на патриотическое воспитание. Правда, патриотизму мешали крысы. Почему-то у них была привычка кусать зрителей за ноги. Может, они были против патриотической линии дирекции кинотеатра или партии в целом, а может, просто хотели жрать. Впрочем, как и большинство зрителей тех военно-послевоенных голодных лет. Но, во всяком случае, было лучше на сеанс приходиться в валенках. Правда, крысы были недовольны.

Ну, и наконец, эталоном кинотеатра у нас был, конечно, «Колизей». Изумительный по красоте дворец искусств по-

строил в 1914, нет, не государь. Не мэрия или еще кто. Построил меховщик Гуськов, вечная ему благодарность и память. В «Колизее» мы смотрели завораживающие фильмы: «Багдадский вор» с возгласами «... в Багдаде все спокойно» (как смешно это слышать сейчас), «Бэмби», «Серенада солнечной долины» и, конечно же! Конечно! «Тарзан».

После «Тарзана» в наших дворах до поздней ночи не умолкали вопли, вой, рычание, криканье, хрюканье. Мы выбирали Акелу и играли в волчью стаю. Теперь спрашивали у пацанов соседних дворов: «Какой ты крови» и противно завывали.

Вот вы видите, какими идиотами были уже почти взрослые мальчики в 1945–46 годах.

Кстати, в «Колизее» перед сеансами играл оркестр и певица (или певицы) исполняли романсы или советские песни. Нам это нравилось.

А зимой перед «Колизеем» был замерзший пруд, расцвеченный огоньками и с утра до вечера гомон – каток!

Но позже о катке, сначала о пруде.

Но лучше чуть-чуть повременим.

Просто с определенного времени я стал часто бывать в районе Покровских ворот. Меня, видно, судьба тихонько подталкивала в одно место, чтобы я бывал здесь, у Чистых прудов.

Что оказалось. Папа и мама, приехав в 1920-х годах в Москву, сняли комнату в полуподвале на Яузском бульваре.

Я даже потом нашел этот дом.

Через бульвар и Чистые пруды, напротив «Колизея» находилось издательство «Московский рабочий». Оно появилось в 1938 году, а до этого производственные помещения занимало издательство «Крестьянская газета». Директором был мой отец.

После окончания школы я пошел работать в организацию в Кривоколенном переулке, что прямо выходит на Чистые пруды, где я прошел курс «молодого грузчика». О чем вспоминаю с теплотой и печалью.

Так вот – водоем. Он был уж не такой и маленький и звался до 18 века поганой лужей. Он и был таким. Еще бы. Его окружали мясные лавки и бойни. В пруд аж с Мясницкой улицы и окрестных лавок выбрасывали все отходы. Дух в этой местности был труднопереносим даже для бывалых москвичей, которые уж, кажется, все повидали и ко всему притерпелись.

В начале 18 века поселился недалеко Александр Данилович Меньшиков, известный соратник Петра I.

Он приказал лавки убрать, пруд – вычистить, везде посадить цветы. И чтобы – никакой вони! И пошло название – не поганая лужа, а Чистые пруды.

Вот так мы катались уж в Чистых прудах летом на лодках, а зимой – каток.

У нас, ребят двора, сложился ритуал: по возможности быть вместе. Это и понятно. Пацаны везде разные, а мы ведь

и в походах в кино, и на катке были все-таки на чужой территории. Как говорится, береженного Бог бережет.

А район Чистых прудов продолжал нас манить и покорять. Кривоколенный переулок. Я работал там грузчиком. И меня любила Роза Николаевна. Но главное, здесь, в этом переулке, жили Галич, Карамзин, известный аптекарь Феррейн. А в конце был дом друга Пушкина, в котором он и бывал, и ночевал. И даже читал своего «Бориса Годунова».

На углу Чистопрудненского бульвара стоит «доходный дом». Его построили в стиле модерн для хлеботорговца Рахманова. После войны нас, ребят, часто посылали в рыбный магазин этого дома. Где в полубочонках было изобилие красной и черной икры. И семга!

Через Кривоколенный переулок можно выйти на Мясницкую, почти к дому чайного кроля России Перлова. Дом в китайском стиле теперь практически погиб, а был изумительного интерьера и невообразимого запаха кофе.

Мы, дворовые мальчишки, от этого сверканья золота, зеркал, люстр терялись. И ничего не покупали. Деньги – их у нас не было.

А каток – был. Музыка, песни сугубо «Советских композиторов», терпимый лед. У нас и ритуал появился – походы в кино и на каток – всей компанией.

На чем кататься? Купить коньки, гаги, например, было для наших семей почти невозможно. Катались на том, что получали. Или в подарок ко дню рождения от родственни-

ков, либо так, по случаю. Мне по случаю достались беговые коньки «норвежки». Я их хорошо освоил. Но на них особо не повоображаешь. Они – скоростные. Вперед и вперед. Одно время на них запрещали появляться на катках. Потому что, ежели упадешь и кто-то окажется на льду, распороть таким коньком ногу или повредить лицо – очень даже возможный вариант.

На Чистых мы в раздевалку не ходили. Чё зря платить. Да там и холодно, ибо этот деревянный сарай не отапливался. Поэтому все приемщики твоих ботинок и пальтишек к вечеру были совершенно пьяные. И справедливо, как греться-то?

Мы раздевались прямо на льду, сделав из снежных сугробов скамеечку. Сторожил нашу одежду Левка Розенталь. Коньки он надевал, чтобы падать. Он был и рад сторожить. Я же от компании отрывался сразу. Это вроде бы я на «Феррари», а мои друзья на «Жигулях».

Но открою секрет. И у нас поблизости были катки. Ну и что. Ходили-то мы на каток не из-за спортивного энтузиазма. Правильно. Ходили из-за девочек. Мы познакомились с компанией девочек и все враз влюбились во всех. И не стали по первости особо разбираться, ху из ху. Просто, влюбились. Нам было хорошо, а уж девочкам-то. Ничего такого и не думали. Вернее, очень даже думали, но ведь условия? Их-то и нет. Поэтому лучшее место – морозный каток. Можно и обнять, и прижать и даже, изобразив падение, коснуться щеки. А уж остальное – в мечтах и сновидениях.

Правда, каток на Чистых закончился внезапно и надолго. Просто, катаясь, я увидел, что группа мальчишек – хулиганов окружили Левку и толкают его в снег. Только поднимется, снова толкают. А я – на своих норвежках еду довольно быстро. И могу успеть к Левке быстрее остальных своих ребят.

Но... что-то заставило меня сделать вид, что не замечаю атаки на нашего и промчался я мимо. Подскочил уже на втором круге, когда все наши: Лешка, Жека, Сашка, Чапа возились и тузили эту шпану. Да и шпана в долгу не оставалась. Я вмешался храбро и орал, что сейчас «ножами», то есть, «норвежками» всех порешу. В общем, драка закончилась. Другая сторона, применяя словесные угрозы и матерные выражения, разъехалась.

Мы, вытирая сопли с разбитых носов, тоже отправились восвояси. Уже во дворе пришли к выводу, что не больно-то и хорош каток на Чистых. На Рязанке или в Инфизкульте лед лучше. И решили теперь кататься там.

Я же долгое время был себе противен. Ибо понимал, что элементарно струсил. Льва не защитил первый, хотя мог это сделать в легкую. Тогда я еще не знал, что такие поступки называются дерьмом.

Но девочек мы не забыли.

ДЕВОЧКИ

С девочками мы познакомились на катке. Их количество все время менялось, но всегда костяк в 3-4 человека оставался.

Знакомство начиналось по стандартной схеме:

– Ой, девочки, как вы хорошо катаетесь. Не научите моего друга Лёву (или Женю, или Марика, или Арика, или Лёшку), – начинал свои куртуазные заходы наш записной ловелас и женолюб Сашка Гагарин. Девочки хмыкали, переглядывались, хихикали, о чем-то шептались и вдруг враз соглашались нас обучать. Это значило, взяв девочку за руку, а лучше – под руку, начинать нарезать с ней круги по катку, совершенно забыв, что ты должен изображать крайней степени неумеху.

В ходе такого «обучения» мы знакомились и, главное, выясняется, где живет твоя «визави». Если далеко, то знакомство не продолжаешь. Ведь провожать! Ура, «наши» девочки все жили в одном месте, в переулках бывшего Хитрова рынка, о котором даже мы многие слышали. И сейчас с интересом, с определенным энтузиазмом пошли девочек провожать. Правда, перешепнулись, что лучше бы пока не разбредаться по парам, а подержаться всем вместе. Чё говорить, Хитровка и в 1946–50-е годы – все равно Хитровка.

Вот так, благодаря девочкам, мы узнали один из интерес-

нейших районов Старой Москвы. И уже потом, когда мы осмелели и оставались и в переулках, и, главное, с девочками, я даже сейчас чувствую то изумление, когда подходишь к началу Подколокольного переулка, еще несколько домов и – чудесная церковь Петра и Павла, что на Язуе.

Летом я с девочкой Лялей много гулял по этим переулкам. Рвал в церковном саду одичавшие яблоки.

А чуть дальше, почти напротив этой красивой, в наше время заброшенной церковки, сверкает серебром чудесная колокольня церкви Троицы в Серебряниках.

Там, в Серебряническом переулке, жили и работали серебряных и золотых дел мастера.

Все это и многое другое рассказывала мне девочка Ляля, когда бродили мы с ней зимними, потом весенними, потом летними, потом осенними и так далее, вечерами. А что делать. Деваться для большего сближения было некуда. Разве – подъезды. Но их ведь тоже найти надо. И нам пока еще стеснительно вот так, шмыгая носом сказать – давай, зайдем вот сюда, погреемся.

Но и я в грязь лицом не ударял. Во-первых, выучил у нашего Шекспира монолог Гамлета «Быть или не быть» и все время, к месту или нет, цитировал. Ляля – взглядывала.

Затем прочел в исторической книжке про Иоанно-Предтеченский женский монастырь. И во время прогулки рассказывал Ляле про нехорошую Салтычиху, которая долгие годы в этом монастыре была заперта. Правда, каким-то образом

успела там забеременеть. Ляля – краснела.

Теперь, собственно, о девочках. Постоянный состав был Женя, Ляля, Лора, Нина. Иногда появлялась Ирка, рыжая. Но она была старше. Верховодила этой группой пигалиц девочка Женя. Она жила в Подколокольном переулке в интереснейшей квартирке, о которой расскажу после. Квартирка сыграла в наше время повального ухаживания определенную роль.

Женька была чёрненькая, с чуть припухшими глазами, вроде всегда после сна. И с хриплым голосом. Всего этого очарования не мог перенести Лева Розенталь. Он ничего, как и мы все, нам не рассказывал, но мы часто встречали его то у Покровских ворот, то почему-то на Солянке или в Милютинском саду. Лёвка же оказался самым надежным. Через много лет, вернувшись из ниоткуда, я встретил Лёвку с чудесной девочкой, точь в точь – Женька.

– А Женя гулять не пошла, – простодушно объяснил папа Розенталь. – Беременная. – И он радостно вздохнул.

Ляля – девушка, обладающая нордическим характером, огромной косой и очень тонкой талией, была круглой отличницей. Это о многом говорит. И смотрела на мир своими голубыми глазами искренне, серьезно и с любовью. В смысле – мир этот она любила. Глаза немного на выкате напоминали мне взгляд Крупской Надежды. Но зато остальные части организма были прекрасно подогнаны друг к другу. Кроме всего прочего, не знаю уж, хорошо ли это, Ляля была искренняя

общественница и комсомолка.

Лора оказалась девочка с такими чувственными губами, что они вроде сами требовали немедленного нежного и длительного поцелуя. Все это сразу же понял наш Арик Чайковский. Молчаливый, крупный, надежный юноша. Когда в нашей группе был Арик, мы никого не боялись. Не побоялась и Лора. Больше они в нашей компании не появлялись, или появлялись очень редко.

Нина – блондинка, увлекающаяся физикой! Вы представляете – где блондинка, а где эта физика. Но нет, увлекалась.

Оказалось, что физикой, как ни странно, увлекался и наш Сашка Гагарин. Так что здесь просто произошло притягивание, как это, двух атомов, что ли? Долгие годы эти атомы не разлеплялись. А потом я уехал.

Девушка Ира, рыжая, с черными глазами, которая появлялась у нас время от времени, обладала таким сложением организма, что можно это классифицировать, как безобразие. Это «безобразие» – бедра. Такого сложения и конструкции, что мы все немели. Вероятно потому ее, Ирку, в компанию приглашали нечасто. На самом деле, кому нужна эта конкурентка, которая и побеждает без всякого напряжения, одной своей походкой.

Встречались мы в основном у Женьки. У нее была квартира почти в центре Подколокольного переулка, там, где известная всей Москве Хитрова площадь. Дом был двухэтажный, а во двор, который являлся грузовым для автомашин,

постоянно, с утра до вечера что-то грузивших или разгрузивших, выходила галерея второго этажа. Вот в конце этой галерейки была построена квартирка. Узенькая, маленькая, на редкость нам подходившая. Потому что мама Женьки, тетья Лида, была гостеприимная и веселая. А еще, так была мала квартирка, такие тесные две комнатки, что просто благодать играть, например, в карты. В подкидного или азулину. Ты карты держишь, а с одной стороны притиснут Женькой, я другой – Лялей. И все мы жаркие, и запах дурманящий – жареной картошки, незамысловатых духов девочек и нашего, мужского, вернее, совсем не мужского, но пота. Да какое дело, запахи. Когда бедра Ляли вот здесь, просто давят на мои, а ноги Женьки под столом переплетаются с Левиными дырявыми ботинками. Которые, кстати, тоже своего к общему аромату добавляют.

ЛЯЛЯ

Мы уходили. Первая Ляля, как комсомолка, отличница и находящаяся в зависимости от тетья Тони, с которой она живет. Живут они в «офицерском доме» в начале Подколокольного переулка и история Лялиной жизни вкратце представляет собой следующее.

Мама умерла внезапно, и мамина сестра, одинокая Антонина, переехала в их квартиру и стала Лялю воспитывать.

А в 1941 году ее папа, подполковник, попал сразу в плен.

Этого было достаточно, и внезапно Ляля и тетя Тоня оказались в одной комнате. Тете Тоне на все ее возражения и причитания отказали. Во-первых, благодари Бога, что вообще в квартире осталась. И второе – живи тихо «до выяснения».

Антонина была так напугана этими дядьками в фуражках с голубыми околышами, что согласилась сразу и навсегда. И Ляле все время повторяла: не вздумай! Молчи! Не возражай! Сразу – в пионеры! Сразу – в комсомол! И – тихо! Тихо. И чтобы вечером не позже десяти часов. И с мальчиками – ни-ни. Вот при таком воспитании Ляля выросла все-таки самостоятельной девушкой. Правда, в споры не вступала.

Да мы в это время и все в споры не вступали. Были так воспитаны мамами. Молчать и лишнего не говорить. То есть – не говорить ничего. Мы вот и не говорили. Только о Шекспире. Или футболе.

Но, тем не менее, дружба моя с Лялей продолжала развиваться. Несмотря на отсутствие «условий».

Я исправно провожал Лялю из Женькиной галдарейки – так все называли эту квартирку – и уже мы начали целоваться. Вроде перед подъездом. Правда, я видел, Ляля боится. И не задумывался. Верно, соседей. Да их все боятся. Мы во дворе соседей тоже боялись. Обязательно наши подвиги мамам становились известны. Но раз уж поцелуи пошли, то и Ляля инстинктивно, как и положено самке, начала подыскивать укромные местечки. Удобнее всего была церковь Петра и Павла, что на Кулишках. Там и сад заброшенный, и дички

яблок на земле, и в кустах мраморные или гранитные надгробья. Вернее, они не на могилах, а просто свалены в разных местах. Верно, планировали их употребить на что-нибудь полезное для города. А получилось, как всегда. То есть, могилы разрушили, надгробья свалили в кучу да и забыли. До каких-то, вероятно, лучших времен.

Но место это было уютное и уже мы целовались упоенно. Даже строгая Ляля задыхалась.

А природа наступала. В смысле, шли холода. Церковь Петра и Павла нас не согревала. Да тут и какие-то занятия в школе. Домашние уроки, к которым Ляля обязательно должна готовиться. В общем, полный тупик, или как бы теперь сказали острословы из 1-го канала ТВ, полный трампец.

Но неожиданно поступило предложение. От Ляли.

– Знаешь что. Моя тетя Тоня в первую мену всегда работает (где, я до сих пор так и не узнал). Ты мог бы приходиться днем. Мы бы уроки вместе делали.

Вот еще Крупская, мелькало у меня. Уроки, видите ли! И, конечно, с радостью согласился. Тем более, что с тетей Тоней был шапочно знаком. Как-то мы с Женькой забежали к Ляле за учебником. Тетя Тоня, сухая, с тощим пучком неопределенного цвета волос и колючими глазками, встретила нас неприветливо. Ворчливо выговорила Женьке, мол, все с ребятами шастаешь, когда за ум возьмесси. Ох, неправда была тетя Тоня. Как раз, по моим умственным размышлениям, и Женька, и Ляля – чуть медленнее, за ум братья начали.

Вот мы и одни. В комнате у Ляли. Большой, светлой и теплой. На маленьком столике полный порядок отличницы: карандаши, линейки, ластик, чернильница, ножницы. Даже баночка с клеем. А рядом – кушетка. Ляля вроде моих взглядов не замечала.

– Сейчас чай пить не будем, а почитаем, что нам задали по литературе.

– Да, да, обязательно нужно почитать, – подхватил я, и вдруг мы неожиданно бросились друг к другу. И стали целоваться. И даже присели, вернее, шарахнулись, на кушеточку.

Но далее я ничего не добился. Ляля стала как каменная. Уж как я ни вертелся, какие позы ни принимал. Ляля только иногда вздыхала судорожно. Даже блузку расстегнуть не разрешила.

Затем охнула – через сорок минут должна прийти тетя Тоня.

Это был серьезный аргумент, и я штопором слетел с лестницы во двор.

У Ляли был телефон, все время я ей звонил. Для чего мои карманы были набиты мелочью.

Визиты мои стали частыми. Под полным контролем Ляли. Я уже с точностью до минуты знал, когда приходит тетя Тоня. А до этого времени наши «занятия по литературе» продолжались. Очень медленно я завоевывал части Лялиного складного и такого желанного тела. Но – с большим трудом. Поэтому и я, и Ляля ходили в свободное от «любви и стра-

сти» время бледные, с синяками под глазами. Я даже есть по вечерам не хотел, чем очень волновал маму.

Но! Должен же этот гордиев узел быть разрублен. Или, как говорил товарищ Чехов, ружье в третьем акте обязательно выстрелит. Оно и выстрелило.

Мы лежали на тахте и – целовались. Уже я добился растёгнутой блузки. Уже объяснил Ляле, как это вредно – такие тугие резинки на чулки. Уже... но в это время хлопнула в коридоре дверь, Ляля вылетела из тахты, как ракета в нынешний век и, шепча: пришла тетя Тоня – начала одновременно натягивать резинку голубого цвета на ногу и застегивать блузку. Конечно, не на ту пуговицу.

Мне было легче. Я надел пиджак, а обувь была в коридоре. Вот и вошла наша гибель. Тетя Антонина. Она сразу приступила к разборке и до сих пор я помню каждое слово этого безобразия.

– Так, это что же такое, Ляля. Уже парней в дом водишь. Бесстыжая. Хоть блузку правильно застегни. А вы, молодой человек, надевайте свои ботинки и чтобы твоего духа здесь не было.

– Подождите, я вам все объясню, – бормотал я. Сказать смело и прямо, что это любовь. Любовь и все. И про институт, и про совместную жизнь, конечно, в браке, и про многое другое, я почему-то не нашелся.

– А мне объяснять нечево. Вон, дообъяснялся, Ленка блузку застегнуть не может. Ишь, умник, всю облапал. Да-

вай, пошел отсюда, и чтоб духу твоего не было. Да как зовут-то его?

– Марик, – всхлипывала Ляля, вся красная и почему-то еще больше растерзанная, чем во время моих любовных домоганий.

– Ах, Марик к тому же. Давай, катись отсюда немедленно. – Голос тети Тони набирал мощь и уже стал в фазе крещендо.

Я выскочил из комнаты, сказав Ляле, что буду звонить. Схватил пальто и вышел на лестничную площадку. Но дверь не закрыл.

А тетя Тоня, занятая разгромом нашей любви, орала во всю мощь разгневанной старой девы и про дверь напрочь забыла. Поэтому я никуда не ушел. А стоял и слушал. Чем дольше я слушал, тем глубже обрывалось мое еще не закаленное сердце.

– Я тебе сколько раз говорила, рано тебе еще путаться с парнями. Хоть школу-то закончи. Ишь, на медаль она идет. Вот тебе и привесят медаль на одно место. И ково нашла. Марика! Да они, евреи, токо и смотрят, как бы от девушки получить. Прямо отвечай – в штаны он лазил?

– Нееет, – рыдала Ляля.

– А што у тебя резинка под коленкой? Значит, чулки снимала! Ах ты, в проститутки что ли метишь, как все Хитровские.

– Тетя Тоня, что вы такое говорите, г-г-г, – всхлипывала Ляля.

– Да вот и говорю, что есть. Ишь, с евреем связалась. Дак он токо о прописке у нас, небось, и думает.

– Неет, неет, неет, – рыдала Ляля.

– Да вот и не нет, а да. И штоб ни ногой из дому. Школа и назад, а то я рабочая, мне стесняться некогда, я и в школу могу пойти.

Все это, видно, достало Лялю и она не выдержала. Рыдая и вытирая культурно нос, она, наконец, выговорила защитное:

– А если мы любим друг друга. Я уже в 10 классе!

– Ааах, любите. Ты в десятом классе, лахудра комсомольская. Ты за этого еврея цепляешься, тебе русских парней не хватает. Конечно, они на фронте погибли, пока твои Марики в Ташкенте киш-миш жрали. Все. Я напишу на него, лет десять дерево повалит, охолонит к нашим девкам лезть.

– Тетя, как это вы напишите. Это же донос. Это – некрасиво. И что вы напишите. Вы же его совершенно не знаете, – уже звенел голос Ляли.

– Да напишу, что он про нашего Сталина говорил.

– Да он ничего не говорил, мы даже никогда этого не касались и по литературе еще не проходили.

– Может и не говорил, а то, что они, эти самые космополиты, все нашего вождя не любят, это факт. А уж там, на Лубянке, с ним разберутся быстро, – победно заканчивала Антонина.

Я пытался было вмешаться в эту гнусную перебранку, но стоял, не двигаясь. Что я скажу?

– Ладно, – вероятно уже устала Тоня, – поклянись мне памятью матери, моей сестры, что никогда ноги твои здесь не будут. Да и других ихней породы привечать не будешь. Тогда, так и быть, писать на него не буду. А как увижу в Подколольном, сразу в конверт.

– Тетя Тоня, я клянусь памятью мамы, что видеться с Мариком больше не буду. Но ведь он ходит в гости к Женьке, что на галдарейке живет. И что мне делать?

– Пусть и сидит у этой лахудры Женьки, а на улицу и носа не кажет. Ладно, иди, ставь чайник, я еще не обедавши.

Я тихонько прикрыл дверь. И ушел. Звонил несколько раз. Но Ляля всегда отвечала: извини, разговаривать не могу.

* * *

Мы все в нашей компании ребят и девочек уже учились в институтах. Года через два у Покровских ворот я Лялю встретил. Она очень похорошела.

– Пойдем, погуляем, – сходу предложил я.

– Нет, не могу. Я выхожу замуж и скоро уеду, вероятно, далеко. Не обижайся. Я ничего не забыла. – И быстро ушла.

У остановки ее ждал молодой военный. Верно, лейтенант.

Прошло много лет. Просто – очень много. Как говорится, люди так долго не живут. Но вот случилось. Живут.

Я приехал в Москву летом. Гулял. Ходил в музеи, театры. Даже в цирк забрел. Зашел в свой старый двор. Все исчезли. Никого. Поехал на Покровку. Походил, походил вокруг Чистых прудов да и махнул вдоль Яузского бульвара в Подкокольный переулок.

Дом офицеров стоял незыблемо. Интересно, где Ляля? Ворота дома, где жила на галдарейке Женька, закрыты. Надпись на воротах говорит, что теперь это какой-то офисный центр.

И в квартире Витьки Баева никого. Домик надстроен и весь занят бизнес центром.

Что-то мне стало совсем грустно и я побрел через Хитровский переулок, мимо церкви Трех Святителей домой.

Достал старую записную книжку, стал звонить.

Ни один телефон не отвечал. Ни моих ребят, с которыми мы так успешно кадрили девочек с Хитровки, ни этих девочек.

И вдруг один телефон ответил. Я осторожно как-то попросил к телефону Ирину. Осторожно – потому что прошло столько лет. Всякое может случиться.

Женщина, которая ответила, помедлила несколько секунд

и вдруг засмеялась:

– Батюшки, вот уж не ожидала услышать Марка. Откуда ты?

– Я – ни откуда. Давай встретимся. На Чистых, напротив Колизея. И прямо сейчас, а то у меня сердце разорвется.

– Ну, все равно нужно подождать. Хотя бы час. Сам подумай, какая дама неожиданно, без подготовки побежит на свидание с мужчиной, с которым не виделась без малого полвека.

– Да, да, понял. Жду.

Ирину я узнал сразу. Мы обнялись и, вот странно, я заплакал. Плакал обо всем сразу. О Чистых, в середине которых ресторан-поплавков, о моих ребятах, о девочках. О близких, которых уже давно нет со мной. О том, что у меня исчез огромный пласт жизни. И что, вероятно, все могло бы быть иначе. А как?

Ирина не плакала, а просто обняла меня и вот так мы и стояли. Народ иногда оборачивался, но не любопытствовал. А мне казалось, что мимо нас идут барышни, корсетницы, экономки, горничные, цветочницы. В общем, все из девятнадцатого века. И мои друзья, все в гусарских мундирах, лихо клеят этих милых барышень.

Я заплакал еще сильнее, и Ирка начала было беспокоиться. Сквозь слезы я пробормотал: потерпи, это сейчас пройдет.

И прошло. От старого остался только запах волос Ирины.

Свежестью, луговой травой и какими-то тонкими духами.

* * *

В кафе Ирина мне про всех рассказала. Взяв с меня честное слово, что я не буду особенно расстраиваться. Я – обещал.

Женька родила Левке трех детей и они умотали в Израиль. Там в положенное время и Женя, и Лева ушли из жизни. А дети живут хорошо, но никого из Левкиных и Женькиных друзей не знают. Некогда, работают.

Лорка с Ариком оказались в результате в Якутске. Где Арик работал кем-то большим в геологии. Живут не особенно ладно, но детей производят.

А Сашка Гагарин с Ниной не соединился. Вернее, соединился, но не навечно. И поэтому уже давно живет во Франции и занимается оценкой антиквариата. Более того, он уже стал Президентом какой-то палаты оценщиков. По нашим меркам – золотое дно.

– А Ляля?

– Не хотела тебя тревожить твоей Лялей. Она в Москве, жена генерала. Сын. Преподает, и мы часто, когда с ней треплемся по телефону, вспоминаем наш Подколокольный, мальчиков. Всегда Ляля вспоминает тебя. Кстати, как ты?

– Да у меня все просто. Годов много, жен было не очень. С детьми связь есть. Но видеть их приходится редко. Кто по-

едет на Сахалин, в Стародубск. Где снег выше крыш. Да никто.

Кофе было выпито и «наступил час, когда все слова уже сказаны и остается только плакать»².

Вот и все.

10–14 ноября 2016

Антони.

² Маджуб, суданский поэт. Цит. по Ю. Нагибину. Дневник.

Супница

Рассказ заведующего цехом завода №557

Рассказ заведующего цехом завода №557 Махоткина Владимира, записанный им лично

Мы все любим праздники. Вернее – почти все. Особенно – в детстве. Ну или в юношеском возрасте. Когда обязанностей нет и пока не предвидится.

В эту пору праздники хороши, интересны, даже волнительны. В том смысле – кто придёт? Да может какой подарок. К особенно в конце 1930-х годов, в связи с «радостным присоединением дружественной Прибалтики» подарки таки появлялись. Машинки, заводные катера, их можно было пускать в ванной, различные солдатики. Особенно наши, пограничники, с собакой.

В общем, для ребёнка праздник в основном всегда – в радость.

А вот когда ты взрослеешь, да появляется семья, а значит и супруга – то тут уже много раз подумаешь.

В смысле, ах, черт возьми, опять седьмое ноября. Значит, утром на демонстрацию. Не пойти – нельзя. Ты, например, начальник цеха по кастрюлям. Или даже ракетам. Все равно – ты член КПСС, да еще правофланговый.

Ну конечно, ежели ты не совсем идиот на голову, то от коллектива в отрыв не идёшь. И перед движением колонны, и во время и, особенно – после, конечно, принимаешь. Стараешься не перебрать норму. Но кто ее знает, эту норму.

Так вот, у взрослого человека, да семейного, праздники просто часто бывают по пословице: «праздник – не в праздник». И даже не потому, что взял на грудь. И иногда – чрезмерно. И не потому, что жена выскажет все, много и сразу. И даже иногда, когда с тещей совместное проживание, то уже теща, то есть мама жены, жене не раз по пеняет: «Я ж говорила, я ж намекала. Мол, не четкий он видом, слабый на характер. Поэтому вот так и происходит. Все мужья, как мужья, а наш глаза уже в день революции конечно залил. Воон, вернулся. Да хоть бы детям бутылку кефира. Я уже не говорю, жене, которая терпит и терпит, цветок бы какой-нито. Гвоздичку бы неизбренную».

Ну, не тварь подзаборная! Да я уйду, когда хошь. Я всегда на доске почёта. Шестой по порядку. Да ежели что, уж комнату от завода получу на раз.

Почему? Да потому что мой цех «кастрюльно-ракетный» (то есть особо секретный) всегда все даёт вовремя, по графику и по сетке.

И главное, инженер главный знает, что я за своим цехом обязательно все проверю. Уж у меня гироскоп никогда не забарахлит и, мол, «кастрюля» полетит совершенно не туда. Нет, мои «кастрюли» всегда летят туда, куда их посылает Родина.

Ну, это мы заболтались. Просто потому что иногда наболело. «Начесалось». «Набухло».

Да что, я смотрю на молодых. Как птицы-голуби. Хаха-ха да га-га-га. Да иные звуки. В общем, видно, ничем не отягощены и все-все в радость. И демонстрация, и музон на весь квартал, и продажа пирожков и пончиков. Да об выпивке никто и не думает. Зачем им, дуrolомам, хмельное, когда есть барышни изумительной свежести.

Эх, эх, а ведь я не старый ещё. И в цеху шёпот-то слышу. Слышу. Мол, наш ещё хоть куда. Что они, дурочки, имеют в виду. Так можно и начать задумываться. Что я себе позволить не могу. При наличии КПСС, двоих детей, жены в целом и общем. И тёщи, которую наш завод все обещает мне отправить в отдельную комнату – за отселением. Уж скоко выпито по этому вопросу! Ежели посчитать, можно кооперативную комнату давно прикупить.

Я это все так пространно излагаю в связи с праздниками. В смысле – не всегда для взрослых это праздник. А даже иногда и забота. Да ещё какая. Вот, например.

Тот же «день календаря, где седьмое ноября. Где мы славим всех вождей, даже если он еврей».

Ой, ай, что это я – ляпнул, дорогие, сдуру. Никогда, вот клянуся родителями, добрая им память, никогда в этом сионизме замешан не был. То есть, не может меня никто упрекнуть, что мол разводишь ты не дружбу народов а... Ляпнул просто для рифмы, мать его ети, эту рифму.

У меня в цеху многонациональность и никогда, никому ни одного плохого слова типа «вы нашего Христа распяли». Уж давно всем известно. Кто, когда, где и даже – почём. Все же тридцать серебряников в те времена – это ежели на кастрюли пересчитать. А на ракеты?!

Так вот, как праздник, так для среднего жителя СССР, даже инженера, это я вам точно говорю, головная боль.

Первое – цветы. Попробуй, Достань. Именно, не купи, а достань. Да еще существует порядок чёртгов. Записывайте, вам пригодится.

Ноябрь, 7, день пролетарской революции. Гвоздика! А где купить, когда утром – демонстрация. Вечером – гости. А середина дня – здоров ты или нет, никого из домашних не волнует. Давай продукт!!!

В то же самое время, по случаю праздника, рынки, конечно, закрыты. Конечно, люди бы с удовольствием продавали-покупали. Но кто же им дать! Власть, государство наше народное об нас и печется. Считая, что в праздник ничего по рынкам ноги бить, а надо дома семьей «краткий курс Энгельса и всех вождей» читать после винегрета.

Ну ладно. Вот с такими мыслями идёшь в магазин. И что

там находишь. Да ничего. Пока ты демонстрировал «любовь и дружбу», все уже разобрали.

Это значит, дома тебе будет по полной. Вернее, нет, не по полной. По полной будет вечером, когда начнётся разбор полётов.

В общем – 7 ноября – гвоздика!

А 1 Мая – день всех трудящихся. Это – ландыши. Их давно уже занесли во все запрещённые Красные книги, но кого эти книги волнуют. Волнуют ландыши. Их – только у бабок у метро. Бежишь, да оглядываешься. Надо схватить этот уже мятый, завядший цветок раньше милиционэра. Так как он появляется – бабки как на стометровке. Только их и видали.

Новый год – святое! Пахнет мандаринами и мимозой. Опять же – в магазинах «Цветторг» было, но когда-то. Вот и мечешься. Ей-богу, кто-то там, в ЦК, наверху в общем, делает все, чтобы их, ЦК, мы возненавидели. Люто и навсегда. Чего они и добились. Вот почему это было надо – вопрос. Но для этого у нас на заводе есть парторги. Пусть и объясняют.

Ну, вернёмся опять к праздникам. Надо доставать. Не покупать, не приобретать, именно – доставать. Уже давно никто не говорит – я купила. Ну, или купил. Нет, только – достала. Потому что – выбросили. Сегодня – буженину (только до обеда), завтра – краковскую (по два кольца в одни руки). Знакомые продавщицы, а они у нас у каждого, иногда давали нужную и очень, кстати, важную информацию.

Вот утром я шлепаю на работу. А у нас гудок в шесть трид-

цать утра. Так вот, пилю, ещё не очень проснулся, но в голове уже прокручиваю: кого на карусельный, а это на самом деле важно, кого на гэдээровский, с программой. Кстати, программу эту мы давно отключили от жизни станка. Но зато подключили Леху. Он после армии, занимается боксом и думает – вступать ему в партию или нет.

Я – не советую. Да, конечно, если хата нужна, телек, садовый участок или Жигуленок, то прямая дорога. И резон – ну через два-три года, вне очереди, все будет.

Но если без этого ты можешь пережить, то лучше не надо. Мало ли что в нашей паскудной жизни. Тебя могут вежливо так, но сурово попросить: вот эта письмецо подписать. А на собрании против Вальки Каца выступить, рассказать, как он, этот Кац, все ночи слушает «Голос»³. Да, ты ни сном, ни духом этого Каца не знаешь, ну и не надо знать. Надо выступить. А кому надо – те знают. Ну и многое другое, что мы и знать пока не ведаем.

Лёха с немецким станком разобрался на раз и теперь без всякой программы дает изделия на шесть микрон точнее, чем немцы.

В общем, как поется в песне: «Ох, Лёха, без тебя мне плохо».

Да, так, о чем я. Пилю на работу, а навстречу Зоя из мяс-

³ На самом деле Кац «Голос» слушал и не скрывал. Даже с изумлением в курилке рассказывал откровения, которые ему «Голос» преподносил. Ибо «Голос» был евангелического радио и доходчиво объяснял Кацу, что все люди – братья.

ного. Я ей всегда трояк, а она мне такой блок свинины, например, что даже моя, от которой и Леонид Ильич слова доброго бы не услышал, так вот, моя Маруся руки расставит и охает притворно:

– Ах, ты наш добытчик. Ах, ты наш снабженец. Это ж какие котлеты! А отбивные! Мама, поцелуй быстрее зятя.

На что тёща даже из своей комнаты, проходной, не выглядывала. Больно чести много.

Так вот, Зоя из мясного быстренько мне шепчет:

– Микояновские сёдня не бери. Они в котлеты бумагу загнули, да нормативы перепутали. Как смеются сами на комбинате, теперь это не котлеты имени Микояна, а седьмой и восьмой тома стенографических отчетов соответствующих съездов партии.

Я, конечно, Зойку по заднице. В смысле – спасибо. А она меня в ответ все пыталась по переднице. Да я верткий, в цеху у нас вертеться приходится все время.

То Минобороны комиссия – «изделие» принимать.

Я-то знаю, уж спиртного, да отменного – море разливанное. И к этому дню пинжак, рубаху и галстук – обязательно. Меня пригласят. Во-первых, у меня медаль по случаю столетия Ленина. А главное, на самом деле, еще (тьфу-тьфу) в той части «изделия», за что мой цех отвечает, никогда даже пылинка не была обнаружена.

Да, так вот, все-таки продукты доставать надо. Ибо к седьмому ноябрю гостей ждем больше пятнадцати человек. Мно-

го? Да, много. Но – друганы по цеху. Это обязательно. На них – план. На них – прогрессивка. Поэтому Петра Васильевича Рахматуллина, Руслана Мусина и Леху – без колебаний. В смысле – приглашать.

Начальников соседних цехов с женами – сам Бог велел. Вот еще трое. Вовка Глузман. С женой. Серегин Володя – мутный он какой-то, но. И Володя Кулебяка – он же прозван всеми – Шкаф. Потому что в высоту и в ширину – два на два, как говорят. Если какие дискуссии по недопоставке металла, меди, отливок, да мало чего. А все мужики горячие. Посылаем только Шкафа, Володю. Фамилия его – Лепель. Вот он у нас все разруливает.

Однажды директор завода попал на своей «Волге» в ДТП⁴. А помял он машину горячих парней не то с Ростова, не то из Тбилиси.

Предъяву директору сделали эти горячие парни серьезную. Несмотря на то, что завод – номерной. Союзного значения. Директор член всего, что возможно. Ну, например, член бюро Обкома! А! Зам приемочной комиссии Минобороны.

В общем, кавказско-ростовские парни сказали, что забили болт на Обкомы-Профкомы. А вот если новая «Волга» им не будет предоставлена в течение пяти дней, то...

Но договорить не успели. Появился Володя Лепель, «Шкаф». Конечно, все по русскому народному обычаю. Двое

⁴ ДТП – дорожно-транспортное происшествие.

– в больнице с переломами. А третий – в обезьяннике. За что – он никогда не мог объяснить. А когда все поправились, то пришли к директору с извинениями и ящиком не то Ростовского, не то «Псоу».

Дальше, конечно, из парткома Алеша Кузьмичев. И другие – даже соседи. Ну, перечислю: Герган Валера, Калина Мария, ее приятель Кошкадов Игорь и – да мало ли кто еще.

Поэтому, хоть и принесут, а запас делать надо. Да не запас. Запас – уже поздно. Впору срочно и где только возможно. Но взял я все по уму. В смысле – свекла, соленые огурцы, лук, морковь, картошка (она у нас всегда есть) – вот вам винегрет. Можно хоть тазик, хоть ведро.

Взял в диетическом яйца, сметану, горошек, майонез – уже почти «Оливье».

А тут мне повезло – «выбросили» кур. Я хапнул много, горячее уже есть. Ежели тушить или еще как. И, наконец, купил десять пачек сырка «Дружба» и печенье «Юбилейное».

Иду с авоськами, а душа ликует – какой же все-таки я хозяйственный мужик. Уверен, жена ругаться не будет – попробуй всего за два часа заполни две авоськи. Да все куплено по делу, по уму. Ну, конечно, пива я попил, да кто считает-то. Немного. Но хорошее, «Балтика».

Нет, ребята, а на самом деле – седьмое ноября – светлый день календаря. Тем более, завтра выходной. Никого не будет. Жена поедет с ребятами к сестре. Конечно, с мамой. Будут мне перемывать весь организм. А я на остатки пирше-

ства, а его много, сделаю, как говорят, благотворительную акцию. Приглашу соседа по площадке – Исаака Моисеевича Фрумкина.

С ним такая, вернее, такие истории у нас в городе, районе и области произошли, что рассказать об этом необходимо. Во всяком случае, с некоторых пор вся область по вечерам стала слушать «Голос». Про Фрумкина.

Рассказать нужно сразу, пока не сели с ним за стол.

Исаак Моисеевич живет напротив, на нашей же площадке. Квартира, как и у меня, трехкомнатная. И детей у него тоже двое. Жена, конечно.

Да вот с квартирой не совсем так. В том смысле, что ему в стене дверь врезали да соседнюю двушку присоединили. Стало у моего соседа Фрумкина сразу пять комнат.

Я не возникаю совершенно. Потому что знаю, что такое Исаак Моисеевич.

Счас расскажу, что он такое. А пока упомяну – моя Маша (эх, женился я рано и сдору – но это в другой повести) стала выступать. Ну, как водится, с позиции полной зависти.

Во дворе все время стоял крик, почти до митингов чуть не дошло. А ежели бы митинг! Да зачинщица – члена партии цехового комитета, ети ее мать! Это ж конец всему! Может, всем «кастрюлям». У нас власть-то какая? Народная. Все позволит. Даже прогул. Даже запой. Но шоб митинг, да без санкции – это просто полный, как говорится, «пипец».

Так вот, моя орет. Что детей у нее – двое. И муж – шестой

на доске почета. И теща, то есть ее мама, больная на голову. (Это правда – на всю голову). Но ей почему-то увеличения жилплощади не дают. А вот какому-то Исааку Мосевичу – прирезали. Почему?

Скажу, орет моя Марья, дура. Скажу. Потому что и в заводском комитете, и в профкоме, и даже в обкоме «оне» окопались и везде пролезли. И «оне» и там и тут, и здесь. В общем – везде.

Обратите внимание, граждане. Нигде национальную рознь не разводит, сучка. Прямо ничего не говорит. А только «оне», да «оне». И везде. Не придеремся. Я-то думал, ей хоть суток пятнадцать з митинг впаяют. Но куда там! Вот как эта заваруха с допквартирой Фрумкина закончилась. К нам пришли двое. Вечером. В хроне и габардине⁵. Говорят, очень хочется побеседовать с Марьей Михайловной на кухне. Отдельно.

Сунулась было теща, но видно ребята работать с народом умеют. Просто один взял ее за плечо и сказал:

– Сиди в своей проходной и не вякай. Засажу по полной.

И так ее развернул в сторону проходнушки, что она только пискнула – ой – да и была такова.

Вот наши органы. Молодцы! Она, теща, два дня из комнаты не выходила. А когда я с ней у туалета столкнулся, то прошептала:

⁵ Габардин – габардиновые плащи. Красиво, удобно. Выдавали нашим славным органам.

– Ой, извините, ежели вам приспичило, то я подожду.

Вот так вот!

На кухню Маша моя, Маруся, прошла бойко, даже по-бойцовски как-то. Видно, митинговый пыл из организма еще не вышел весь. И она думала, что теперь все дозволено. Социализм, думала. Значит, можно орать, оскорблять мужа и даже заниматься, чего греха таить, рукоприкладством. (но об этом мне и говорить стыдно, скажут – вот тоже нам, начальник цеха, член партии и ветеран труда. Поэтому – молчу).

Так вот, прошла бойко. Я, в зале значит, сел так, чтобы видеть, как ее будут в наручниках выводить. (Или сразу – в расход). Сижу, курю. На кухне тихо-тихо. Но говорили долго, минут сорок. С час – в общем. Затем вышла Маша. Вся белая, будто мукой присыпана. Вот как они, органы, работают. Как правильно говорят, «без пыли и шума».

Вышла, говорит дрожаще так, может чайку откушаете, товарищи. Но они на нее взглянули, и она осеклась окончательно.

Мне, уходя, сказали:

– Провели профилактическую беседу. Полагаем, с пользой. Вам же, товарищ Махоткин, советуем быть на уровне политических вызовов времени.

Во как. Я ничего и не понял.

А мне вкатили выговор по партии. Но легкий, без занесения. И формулировку придумали. За утерю контроля за вызовом времени в семье. Бля! Да выговорить – и то тошнит.

А написать, что моя Маруська орала на весь двор, как «они» везде проползли, а я не пресек этот вражий поступок – побоялись. Еще бы, у нас же ево, это сионизма-антисемитизма нет и не предвидится. Равно, как и секса. Его тоже нет в СССР. Поэтому мы и поем на демонстрациях. Когда под банкой, конечно.

«В СССР – секса нет
Достану я из лифчика
Мой сопревший партбилет»

Ну да ладно.

Так вот, из-за чего весь сыр-бор. Из-за Фрумкина Исаака. Хоть я и получил выговорешник по его, можно сказать, линии, но зла не держу. Даже уважаю. Это ж надо. В одночасье все разрушить, похерить и по ветру пустить. И остаться абсолютно «не при своих», но держаться при этом крепко. Да мы, русский народ, при таком раскладе, что у него, запили бы так, что черти в аду кувыркались. А он, как спортсмен, в шесть утра, можно часы сверять, шарк-шарк, стук-постук – уже двор убирает.

Да кто он такой-то? Вот то-то. Секретный.

Все это ему дали, и квартиру прирезали, и на машине за ним ездили – на заводской, директорской за его заслуги в деле этих самых наших «кастрюлек». Ведь у нас утро началось с него, с Исаака Моисеича. Он в семь часов уже в цехах. Достает свои помятые и в масле чертежики и начинает

все у нас проверять.

Иногда скажет: вот что, Трофим, например, Иваныч. Я тут ночью подумал, надо этот швеллер под углом в 50° переварить. И что. Переваривали все, перевинчивали, меняли и снова варили. Потому как после этих манипуляций наша «кастрюля» летала как стрела и туда, где Макар и не думал находиться. С телятами.

Он иногда в цех приходил, в портфеле у него всегда початая «Армянского». Мы уж знаем, на стенд стакашки. Конфетки. Закуски – ни дай Боже, у нас стерильность должна быть получше, чем в роддоме.

Так вот, достает «армянский», дает ребятам – разливай – и смеется. А что? – Да вот у товарища Челомея изделие опять улетело совсем в другую сторону. Хорошо, успели сигналом подорвать, а то бы! – и махал рукой.

Нет, Исак дядька что надо. Как прием изделия, так он обязательно первый. Наш директор, мужик хороший, но в эти моменты все больше по накрытию стола.

А я слушаю, как Исаак отбивает претензии приемочной комиссии и просто не могу понять, как вот это все в одной лысой голове Исаака Моисеевича держится. И выговорить невозможно.

– Вот вы говорите, что здесь гохучего буде много. Но если тангенс увеличить на пять градусов, то что получится?

Молчат члены приемной. А как спорить. У него же все пока летает. И летает правильно. Как она всегда повторяет –

по закону товарища Архимеда, хе-хе-хе.

И еще. Когда приемная, скрипя и злясь, принимает изделие, мы не знаем. Но что принято, узнаем из нашей любимой народной «Правды». Там напечатают «Указ Президиума Верховного Совета» ... За выполнение особо важного Правительственного задания наградить: ... и среди народа и наш директор и Фрумкин Исаак Мосеич.

Моя Маруська переменялось так, что меня даже страх берёт. Во-первых, в этих личных делах уже никакого объяснения, что голова болит или ещё что, – бельё, например, замоченное, не бывает. Просто, как у нас в цеху: надо, так надо.

Во-вторых, когда котлетки или ещё что – первую тарелочку соседу (он живёт один, я потом раскрою). В общем полное и глубокое единение с соседом. И – дружба народов.

Теперь главное про нашего Фрумкина. Кстати, так, на всякий случай, его звание – Главный Конструктор. И ещё он член-корреспондент. Академии Наук СССР. Ну корреспондент – это понятно. Ему только иностранных журналов каждую неделю – пачками. И другие корреспонденции.

А вот по поводу члена – не могу ничего сказать. Не мое это дело, какие члены в организации нашей академии. У нас в цеху проще. При выходе, а зимой до 40 доходит, часто слышится:

– Вась, надень на х... шапку, а то уши поморозишь.

Мне говорили, иностранные люди и не могут разгадать нашу русскую душу из-за этой незамысловатой присказки. Ну

просто из-за обиходного выражения. Да и на самом деле, не наденешь, на х..., так уж точно, уши поморозишь. Чё непонятного.

Ну ладно, все ж давайте, расскажу про соседа, про Исаака. Правда говорят, извините, все беды от баб. В смысле – от женщин. С Исааком яркий пример. У него была тихая жена, Фрума ее звали. Родила двух девочек. Уж на что я рабочий, но не могу не отметить – таких красивых девочек и я не видел. А учились – ни одной четвёрки. Даже по физкультуре.

Но пришла беда. И Академия не помогла, и уж мы даже бабок-лекарок мобилизовали из соседних с городом сел. Нет, не помогло. Не стало Фрумы. Наши дворовые отревели, Исааку все тёплые слова сказали. А он, как окаменел. Завод конечно не забросил, но что-то вроде сломалось. Да и как не сломаешься – такая беда.

Но стал жить. Никуда не уезжает. На могилу ходит регулярно. Девочки ведут хозяйство, а моя-то, моя Маруська обучает их готовить. Они и рады стараться.

В общем, жизнь идёт. Пока гром не грянет. Мы, как известно, и не перекрестимся. Гром не грянул, но появилась на заводе по распределению из ФЗУ секретарша. Э-э, да что рассказывать. И так все ясно. По жизни. Ну, стала она печатать Исааку статьи да рецензии разные. Дальше – больше. Он книгу написал «Мой путь к звездам». Её разные смотрели, листали, сделали секретной и издали в пятьдесят экземпляров. А Моисеевич рассердился. Здесь мол ничего секретно-

го нет, отвечаю перед партией и Академией. Так что печатаете тыщу – тираж. Начал ругаться, что он почти никогда не делал.

Но зато за это время, печальное для него, он, оказалось, придержал такую «кастрюлю», что она может все. И к звёздам. И назад. И в бок. И в зад.

Все это он мне рассказал, мы во дворе на лавочке сидели. Конечно, взял слово, ни гу-гу. Да я что, я ж на доске почёта, не слезаю. Все понимаю. И что ему обидно. И что гнобят его в этой академии. И Челомей гадит. Да вот сделать-то, как он – никто не может. А всего-то – голова лысая, очки, веревочкой, да две чудесные девочки. Он даже директору заявление написал – сдаю две излишних комнаты, они мне теперь без надобности. Вот мужик.

Но что интересно. Моя Маруся даже бровью не повела. – Не нашего ума эти лишние квартиры. Мы свои – зарабатываем своим трудом, – и ко мне бедром прижимается. Ну как подменили Маруську. Я однажды в подпитии даже хотел благодарственное письмо начальнику КГБ написать. И с советом – чтобы чаще этот КГБ с бабами профилактическую работу проводил.

А за Исаака Моисеевича новая секретарша Тайка, то есть Таисия, взялась всерьёз.

Приходила, что-то готовила, разучивала с девочками танцы. Читала книгу «Мой путь к звездам». Она засекречена, но какой автор себе экземпляр не оставит.

Во дворе стоял полный шухер и стон.

Закончилось все странно. Таисия Шмелева уволилась с завода и отбыла в неизвестном направлении. Так как она проработала совсем немного, то ее даже к секретности допустить не успели. На ее счастье.

Ну-с, дни по-прежнему потекли заведенным порядком, когда бы все в одночасье не нарушалось.

К нам во двор прибежали три парня и говорят, что «случайно» слушали вражеский нехороший «Голос Америки». Который передал оглушительную сенсацию. Она заключалась в пресс-конференции какой-то израильянки Таисии Шмелевич (да это наша Тайка, бля буду). Таисия рассказала, как не дают развиваться крупнейшему ученому (это нашему Фрумкину), изобретшему летательный межпланетный аппарат. И чертежи, схемы и описание всего устройства Таисия вывезла из СССР в микрофильме, который спрятала в свое «далеко». И – терпела, до приземления в Вене, промежуточном пункте.

Конено, все у нас сошли с ума. Я имею в виду начальство. Нам-то что. Фрумкин сказал – перепаять. Мы и перепаяли. Сказал – усилить жесткость. Мы и усилили.

В общем, как работали, так и стараемся. Главное – зарплата плюс прогрессивка, плюс премиальные начальнику цеха за все.

Нет, нет, мужики, власть наша хоть и поганая, но создает такие возможности для радости, что хоть пой, хоть пей, даже

если ты еврей.

Эх, твою маму в печень через глаз, опять я глупость дал. Ничего, клянусь Богом, не хотел сказать. Даже намекнуть. Только рифма, эти ее мать, из меня все соки вытягивает. Видно, поэт когда-нито у нас в роду Махоткиных был. Да сплыл. Конечно, революция, коллективизация, войны, хочешь писать стихи, а идти-то надо в цех завода №537, где дать задания работягам человек под семьдесят. И все хотят.

В общем, когда месяца через три все успокоилось, то выяснилось. Тайка Шмелева рванула в Москву. Получив полный отказ Исаака Моисеевича поменять страну проживания. Умотала, шалава, а книжку-то Исаака перефотографировала.

В Москве было непросто, но помимо денег есть другие способы. Тайка применила все доступные и недоступные меры внедрения в еврейское угнетенное сообщество и «оказалось», что у нее есть таки бабушка чисто еврейского звучания. Из Черновиц. Что было подтверждено печатью синагоги и крючком. В смысле – подписью. Ну вот, с этой, еврейской стороны, все.

С русской – посложнее.

Мы уже потом, после перестройки и полного развала СССР все узнали.

Сначала трясли Обком. Леонид Ильич три раза звонил Первому.

– Что это у тебя, Боря, на области происходит. Почему

кое-кто распоясался по нельзя. Неужели не можешь навести порядок. Я ж тебя знаю, ты крепкий управленец. Наведи, доложи и дай рекомендации по достойному ответу поборникам. Через два дня жду полного ответа.

Что прикажете после такого разговора делать. Правильно, трясги руководство завода. И – по нисходящей.

Ладно, все закончилось. Нужно доложить. Вот и доложили.

Оказалось, как всегда, крайний – член-корреспондент АН СССР Фрумкин Исаак Моисеевич. Он «вступил в сговор с замаскированной сионисткой Таисией Шмелевич, передал ей рукопись секретной книги – к звездам – и договорился о проценте с продажи книги.

Сам же он выехать за рубеж по условиям секретности не может. Кстати, этот момент оказался единственной правдой в куче лжи, что навалилась на моего соседа Фрумкина.

Хотя, правды ради, он особенно не переживал. Посмеивался, будто имел в кармане новую ракету.

А на самом деле ничего не имел, кроме своих девочек и соседей по дому во главе с моей женой Марусей, которая, к моему удивлению, оказалась яркой защитницей...

В общем, члена-корреспондента АН СССР Фрумкина Исаака Моисеевича уволили отовсюду. Правда, звания членкора лишить не могли, а там ему полагается довольно неплохая зарплата.

Но у нас в СССР, кроме секса нет и безработных. Уже враг

передал, что борец за свободу выезда членкор Фрумкин питается только квашеной капустой и котлетами соседей. Так как он лишен работы и его дети не ходят в школу. Нет даже галош, что в советской стране, при ее дождях и морозах просто недопустимо.

Подливала масла и Таисия, сообщая разные дурацкие скабрёзности завода, цехов, партгруппоргов, кто частенько хлопал «замаскированного сиониста» по попе.

Народ уже от «Голоса» по ночам не отрывался. А когда узнавал знакомые фамилии, впадал в полный экстаз. Планка продаж спиртного зашкаливала.

Дамы стали обижаться, что их не произносят по «Голосу» и спрашивали, куда посылать заявку с интересными данными о постоянно текущем унитазе.

У нас безработных нет и не будет, поэтому по личному указанию, даже приказу, первого секретаря обкома трудоустроили Фрумкина дворником в дом, где он благополучно с девочками проживает.

Он не переживал совершенно. Я бы – запил тут же. А то! Был начальником цеха, а теперь стал дворником. А Фрумкину – как с гуся вода. В шесть тридцать теперь слышно и летом, и зимой и в другие сезоны – шарк-шарк, хр-хр, тук-тук.

Это доктор всех наук и членкор, а ныне дворник в отдельно взятом доме чистит дорожки, убирает ночные безобразия жильцов под окнами (да, выбрасываем мы из окон, выбрасываем).

А Исаак валяет дурака. Просит теперь называть его Зиятулла Фрума, еврейско-татарский дворник.

И что думаете, во дворе стало чище. Как-то совестно, неудобно, что ли. Все-таки не молодой. Раньше как-то не замечали, какой дворник. Дворник – он и есть дворник. А теперь наш двор стал местом посещений. Как же, у вас у дворника 5 классов. А у нашего – два университета. Да три ордена Ленина. Их, правда, отобрали. Но мы были уверены – как отобрали, так и вернут. Чай не при Сталине живем. Да знамо дело. При «отце родном» наш татаро-еврей уже давно бы загибался на Колыме. Или в Тайшете. Или... оказалось, географию ГУЛАГа мы знали хорошо. Токо спрости. А не можешь ответить, сразу к Колянчу. Он Колыму прошел. А то – к Спиридону Иванычу – он Джекказган копал.

Вот такой наш двор. Где все в основном мантулят⁶ на заводе №557, а жены ихние, то есть наши, выхаживают потомство. Которое пойдет по нашей трудовой гордой дорожке: 7 классов, ПТУ, Советская армия, завод №557. Это называется – круговорот веществ в природе – так мне Исаак рассказывал.

Вот в каком положении – ситуации я Исаака – соседа пригласил отметить «красный день календаря». Моросил мелкий дождь, а у нас было. Осталось после вчерашнего разгула. Хотя разгул то был так себе. Видно, подустал народ. Поели, конечно, хорошо, а с выпивкой – даже сказать неудобно –

⁶ Мантулить – работать (*жарг*).

водки осталось грамм триста.

Мы с Исааком сели, я принёс из холодильника кастрюлю с остатками винегрета, достал миску оловянную с холодцом. Выложил солёных огурчиков. Эх, жизнь-то как прекрасна, а!

Все есть, а жена на целый день забурилась. И сосед – лучше не придумаешь. И шуткануть может, и ума – нет, не палата. Ума – две академии.

Правда, стол Исаак оглядел скептически. Хмыкнул. Ну, это он так. Тоже, надо человеку показать, что хоть он и дворник, но... Да я уже и говорил, Исаак даже очень своим положением не тяготится. А кой у кого он – как бельмо. Ему уже и в обкоме и ещё «кое-где» где намекали: чё, мол, ты здесь землю метлой выглаживаешь. Поезжай в свой незалежный Израиль. Там тебя давно ждут и будешь продвигать свои мысли назло нашим долбоебам-академиком. Это не просто во дворе, в кабинетах обкома советуют. Ну спроси, кто антисоветский. Наш Фрумкин или эти перерожденцы, Господи прости. Ладно выпили по первой. Винегрет из кастрюльки прохладный. Рюмочки у нас маленькие, просто именины.

Тут девчонки Исаака прибежали. Нет, есть не стали.

– Пап, – щебечут да все время хохочут, – пап, из седьмой приходили. У них на кухне протечка. Очень просят.

Я конечно в ответ, бегите, девчонки, скажите, папа лежит пьяный, сегодня – праздник, пусть приходят завтра. Да не с утра.

У девочек глаза – на лоб.

– Да как же можно, дядя Володя, ведь, во-первых, наш папа пьяным не бывает, а во-вторых, там же вода течёт, людям нужно помочь.

А глаза вытаращили и такой красоты девчонки, что я с Исааком сам, все бросил, а в седьмую пошёл. Протечку закрыть.

И что думаете. Пришёл на пользу. Исаак подойти к крану, из которого текёт, не может. Поперёк кухни лежит жилец. Килограмм так под сто пятьдесят. Мы его все знаем. Сосед же. Петька Цыганов, из соседнего цеха. Он отдыхает после вчерашнего.

Я, честно, его один и передвинуть то не могу. Но все вместе, миром, жена Петькина (вес в жене аж пятьдесят кг и субтильная, я все смотрел бы, прости Господи и моя партия), две девочки Исааковы и я – кое-как его в коридор передвинули.

А Моисеевич уж почти и закончил. Там все – ничего, прокладку поменять. Он же у нас все-таки член-корреспондент, прокладки и два ключа всегда с собой.

Да не усмехайтесь, прокладки для крана, а не для чего другого. У нас во времена СССР других и не было, по своей жене знаю. А для кранов ещё достать надо.

В общем сели у меня снова. Рахилька и Лийка, девочки, по холодцу схватили, папке сказали – мы во дворе – и были таковы.

Мы взяли. Но вот чувствую я, мой Фрумкин все на стол

поглядывает, хмыкает, мемекает. Чего бы?

Я после второй, с прямотой партийца спрашиваю:

– Моисеич, что не так? Скажи, а то иди-то – идёт, и может и застрять. А коли водка застрянет, никакая прокладка не поможет, га-га-га. Смеюсь значит.

– Ладно, слушай только внимательно и не перебивай. Захочешь выпить, когда я рассказывать буду, бутылкой об рюмку не звякай, это признак, что рука у тебя как х... в стакане, трясётся.

Ха, во дает Моисеич. Я такой присказки про х... в стакане и не знал вовсе. Завтра в цехе надо употребить.

– Так вот, дорогой сосед Володя, чего это я все хмыкаю и посмеиваюсь. Хотя это не принято, в гостях, да за столом, да при такой вкусноте, критиковать хозяев. Согласись – невежливо.

– Да ты чё, я Моисеич, как английская прям королева. Мы ж свои. Соседи. И нет никово. Кака така невежливость. Говори прямо, ну что не так, я в ум не возьму.

– Да все не так, Володя. Я уже твоей Марусе маленький ликбез преподавал, теперь ты послушай. Вот твой винегрет. Но почему он в алюминиевой кастрюле. И стоит вся эта «это красота» на столе. А картошка почему прямо на сковородке. Уже и засохла вся. Холодец растекается по форме, а должен быть в фаянсовой посуде.

– Дак чё ты, Исаак, мы не в ресторане, а дома. Все ж свои, близкие.

– Да в том-то и дело, что близкие. Что, раз близкие, так можно в кальсонах за стол садиться? Или холодец ложкой брать?

Вот послушай, я тебе расскажу, как у нас дома было. В Москве, когда ещё мама была жива.

Праздник подходит. Да давай возьмём не праздник, а просто – субботу.

– Да, в субботу оторваться милое дело, в воскресенье уже нужно с осторожностью.

– Не перебивай, а слушай. Кстати, нашу еврейскую субботу, шабат, празднуют во всем мире, все религии. И у нас, в СССР, ведь суббота тоже празднуется. Как день отдыха. Не обратил внимание?

– Мать моя, и в самом деле, мы ж в субботу не работаем. Во, блин, вы евреи устроили. Тихо-тихо, я хоть бей в набат, а в субботу дай шабат.

– Ладно, будет тебе, ты слушать будешь?

– Да извини, но так всё интересно, давай-давай, Исаак, я даже не наливаю вторую.

– Ха, как говорят в Одессе, кто вам считает.

Так вот, берём шабат, обыкновенная суббота. Да вовсе она и не обыкновенная. Я помню, как начинались наши субботы. Шабат. Уже в пятницу в доме шла суета. Протирали посуду. В этот день мы использовали самую красивую. У меня сохранились ее остатки. Так называемый сервиз Кузнецова. Вот ты представь, Володя, большой стол, белоснежная

скатерть и мама, бабушка, даже меня привлекают, расставляли этакую красоту зеленовато-сиреневого цвета. Вот ты скажи, почему стол у тебя праздничный, но клеёнка. А?

– Дак Исаак, клеёнка-то из ГДР, вся в яблоках и персиках, ты посмотри.

– Володя, клеёнка хоть из ГДР, хоть из Сингапура – все равно клеёнка. Нет, скатерть льняная, белая. Немного вышито цветов. И такая красивая посуда. Хозяйки уже расставляют тарелки – мелкие для пирожков, глубокие – для супа, бульона или тушеного блюда. Конечно, масленка, рюмочки для яиц, солонки.

И наконец, венец субботнего стола – супница. Её приносят с кухни, уже наполненную приготовленным заранее супом с клёцками. Эх, Володя, давай выпьем. За наших родителей, чтобы им земля была пухом.

Вот как ты думаешь, они нам помогают оттуда? Я уверен, что да. Хоть я и физик, и механик и даже был лауреатом. Потом, ты знаешь, всего лишили. Но уверен – все вернется на круги своя, как говорил Заратустра.

Выпили.

– Теперь слушай дальше. Вот вообрази. Ты пришёл с работы. Но не ломишься сразу на кухню, только руки сполоснул. Мол, чё у тебя, Маруся, сыпь на стол, Я голодный, как волк. Нет, ты помылся. А у вас в зале уже накрыт стол. Скатерть бежевая или сиреневая. А на ней тарелки мелкие для пирожков. (Их, вообрази, тёща к твоему приходу испекла).

И глубокие стоят. И два блюда больших. На одном, большом, половина гуся тушеного с яблоками, а на Малом блюде – рябчик или цыпленок. И длинное, узкое, необычайной выделки, палевых цветов блюдо для рыбы.

А ты уже переоделся. Умылся. Вечером – легонько побрызгал себя Шипром – не шибко так – рубашку светлую надел и к столу. Марусе даришь любую ветку зелени (где уж в нашем городе цветок купить, только на гроб), а мамаше ей-ной целуешь руку. И – за стол! И дети!

Конечно, раньше мой папа всегда молитву читал. А теперь можно просто сказать – чтобы был у нас в сердце мир. И покой. И любили бы мы друг друга.

Тут я неожиданно заплакал. Сам не ожидал. Я ж мужик. Но нашло на меня сразу и неожиданно. Я даже извиняться не стал. Сказал, – ты, Мосеич, меня рассказам пронял. Неужели все это возможно?

– А ты попробуй. И не торопись. Маруся тебя поймёт, мама ее – почувствует, а дети должны помогать обязательно.

Ну, давай по последней, мне ещё нужно написать в исполком, как модернизировать дворницкое хозяйство. В отдельно взятом дворе.

– Ты смотри, и здесь хочешь Ленинскую премию получить. Давай по последней. А я – попробую!

Вот я распрощался с Исааком, нынче он себя называет член-корреспондент академии дворницких наук.

И не стал думать, а решил – сделать эксперимент. Мы же в цехе сколько их делали, пока до ума «кастрюлю» не доводили. Так неужели здесь не сладится. Никому ничего не стал говорить – рассказывать. И с Мосеичем больше не советовался. Только узнал у нашей библиотечарши, Эльвиры, скоро надо ножей-вилочек-ложек-ложечек, вилок, щипчиков.

Начал доставать. Потихоньку. Скатерть у нас была. Я посмотрел – ну почти «ненадеванная». Два пятна всего. Одно – от грибов, я помню. Как Евгения к моей придёт в гости, так жди грибной ураган. Не спорю, вкусные. Но – пятна. Я, правда, Маруське говорю всегда – чё ты торопишься. Чё грибки роняешь. Бери ложкой, надежней. Но куда там, чё спорить. Всегда не правый будешь.

Второе пятно тоже помню. Ирка, соседка, на нашем же заводе переводит документацию. Которую, как по секрету говорят, мы скоммуниздили где могли. Она как заболтается с моей, так всегда одно и то же. Ложечку с вареньем так изящно двумя пальцами держит, что обязательно капля другая на скатерть. Хоть газетку подстилай.

В общем, ладно. Скатерть есть. Дальше обратился все-таки к Марусе. Насчёт тарелок, тарелочек и – я даже список ей подал.

К моему удивлению, не стала базарить, а так кротко гово-

рит: чем могу.

Вилки, ложки и прочее мне достала зав библиотекой.

Вот однажды в субботу я все и проделал. Умылся после работы, надел рубашку сиреневую. Правда Маруська сказала, чё я это я надел стиранную. Взял бы бежевую. Ну ладно, сдержался.

Предложил Марусе просто поужинать в столовой. Чё мы все время на кухне, там и повернуться негде двоим. А нас четверо и ещё мама.

И что думаете. Нет, не ожидаете. Маруся – согласилась.

– Чё, правда, только ужинать? Или кто припрется.

– Нет, никого не будет. Только мы да дети. Да твоя мама.

Вот так накрыли на стол. Ребята суетились, им в интерес. А когда мама вышла, да я ее ручку взял и на стул во главе стола усадил, тут уже начались только охи да ахи.

Мама все говорила – гляди, Маруська, счас снег пойдёт. Но меня по руке поглаживает.

Вот так мы отужинали в субботу. Тихо, никто не сгрубил ни разу. Вроде все как бы понимали, что что-то происходит. А что – пока словами выразить не могли.

Но вот когда Маруся внесла супницу, да с горячими пельменями (в заводской столовке продают всегда), то тут уж даже дети тихонько завизжали. А к ней, я начал объяснять, сверясь со списком, помимо тарелок, ещё подаются салатники – для солений, маринадов; да селедочницу – это разбавить пельмени, и ещё приборы для горчицы, перца, уксуса, сли-

вочник, соусник и хренница. Дети только изумлённо шептались – вот это да-а-а-а.

Закончилось все спором, кто будет убирать посуду. Хотели – все.

Уже ночью, благо завтра воскресенье, можно и не спать сразу, Марусе я все рассказал. И про Моисеевича, как мы с ним посидели, и про его семью. И про шабат.

Маруся все восприняла пылко. «Мы теперь и дети наши – мы все, выходит, шабатники. То есть по субботам мы теперь еврей», – и целует так жарко, что и думать дивлюсь, откуда что взялось. Неужели от этой субботы. Нет, значит, правда, есть в еврейской нации какое-то колдовство.

Но эксперимент я решил продолжить.

Через субботу позвал гостей. Немного. С цеха – Петьку Рахматуллина. Да учётчицу Калину – ей давно Лёха нравится. Ну и Лёху, конечно.

Все было быстро. Мои ребята накрыли стол. Зажгли свечу. Из спиртного – только портвейн. Другого красного и в помине нет. Конечно, супница. Опять пельмени. Но они хоть и из столовой, но раз от разу все вкуснее и вкуснее. И все. Сидим. Спокойно так ведем беседу. Моя Маруся, заводная, а сейчас – как на выданье. Ну, конечно, кто что видел в кино. С чтением – туго. Никто ничего, оказалась, вообще не читал.

Тут вылез мой Данилка, 11 лет уже.

– Как же так, вы чё, «Трёх мушкетеров» не читали?

Пауза. Но не напряженная.

Утром в воскресенье все гости у нас спрашивали – чё это такое было. Я и объяснял – но прикрылся Фрумкиным. Мол, так он отмечает каждую субботу.

Я думал – всё, вплоть до исключения. Но нет и нет. По-прежнему, уже спрашивают, можно ли там родственников да друзей. Я намекаю, что квартира – не резиновая. И особо не боюсь. Хотя, как человек советский, опасуюсь. Чего, не знаю и сам. Вроде, через пельмени сионизм не передаётся. А что на меня за «субботы» стукнут – и сомнения нет.

Но вот что дико. Тишина. Я уж к Лёльке на телефонную подъехал. Как, мол, меня на прослушку не взяли. Лёлька смеется – взяли, взяли. Меня назначили старшей, так что ты с женским контингентом цеха – не очень-то.

Да, давно мы ухаживались. Было, да сплыло. Как говорится, любим одних, а женимся совершенно на других. Кто объяснит этот феномен. Я знаю кто – наш Фрумкин.

* * *

А по двору, конечно, новости расползаются. Но принимают идиотский оборот. Кто-то из баб предложил назвать дом наш – «дом субботней культуры».

Исаак мне сказал прямо, как дворник – не валяйте дурака. Загremите все, сионисты российского разлива. Мне-то бояться нечего, «я – Исса Файзюлла, дворник, моя русский хорошо не говори». И долго смеялся.

Дальше всех в этом еврейском вопросе пошёл Лёха. А чё, он бывший десантник, чё ему бояться. И сделал себе, ну, конечно, в поликлинике – обрезание. Хохотал. В цеху рассказывает:

– Со своей Веркой просыпаюсь утром. Она и говорит. Лёш, я чё-то не пойму. Ты вроде русский, а обрезанный. А я отвечаю – у меня двойное гражданство. Дак она со мной день не разговаривала. Все думала, понять не могла, что к чему. И не шпион ли я вообще. Я ещё больше разозлил. Говорю, шпион я, шпион, я уже фотку твоей жопы в Израиль отослал. Ну – цех потешается.

* * *

Прошло несколько лет. Мы на работу ходим. Изделие – выпускаем. Стали немного другие благодаря Фрумкиным субботам, но это вроде никого не беспокоит. Дети растут, мы стареем и вдруг! Бах. Нам по радио объявили, что государства советского больше нет. Нет и все. Есть Гайдар, Чубайс, Ельцин. Горбачёв есть. Примаков, Черномырдин. А вот государства – нет.

Я все ожидал, что вызовут в Райком. Как в 1941-м. Автомат, два рожка и за Родину, за все политбюро.

Да ничего подобного. Исчезла партия и концов не найти. Разбежались как тараканы. А наша контора, в смысле завод №557, наивысшей секретности, закрылась немедленно.

Появилась новая дирекция и однажды утром нам объявили – общее собрание коллектива. Все по демократии. А только она, оказывается, с человеческим лицом.

На митинге нас информируют. Первое – вместо завода теперь малое предприятие с ограниченной ответственностью. Президент предприятия – членкор АН России, доктор физмех наук Фрумкин Исаак Моисеевич. Исполнительной директор – Махоткин Владимир Васильевич, ветеран бывшего завода №557. (Все ахнули и от меня отодвинулись, из уважения).

Начальник спецохраны предприятия – Алексей Барбашинский. Иначе – Лёха. Начальник отдела решения вопросов – Володя Лепель – «Шкаф».

Основная задача МПОО – изготовление продукции в исключительно мирных целях. То есть – кастрюль.

На первом совещании директоров я отметил, что кастрюли никто брать не будет. На что президент, Исаак Моисеевич, спокойно заявил – ещё как будут. Откуда он все знает. На самом деле, через 5 дней наше МПОО подписало контракт с каким-то израильским концерном. И стали мы делать маленькие кастрюльки для Израиля. Проект называется «Железный купол».

* * *

Дети наши все вдруг решили увидеть мир. Учатся Бог зна-

ет в каких странах, а фотки моих и Исаака девочек – исключительно в окружении мальчиков. Ну, скажите, какому отцу это приятно.

* * *

И последнее, очень приятное. Нашего начальника спецхраны предприятия Алексея, то есть Лёху, израильский государственный совет наградил орденом «За мужество». В указе было написано, что в условиях жесткой диктатуры (кого?) Лёха осмелился произвести обрезание. И это – в условиях тоталитарной слежки.

Мужество же Лёхи заключалась в том, что он смело продемонстрировал факт присоединения к иудейскому народу. Что впоследствии подтвердила его девушка, а ныне жена и мать – Вероника. Фото ее попы было признано лучшим, среди присланных из тоталитарного лагеря. Кстати, в адрес МПОО была прислана супница. Изделие фабрики братьев Кузнецовых, 1901 год, Москва. Стоит под стеклом в музее оружия предприятия.

Послесловие

Я, Махоткин Владимир, я никогда, кроме нарядов за работы, не писал. Поэтому представляю, как народ читающий будет смеяться над моим слогом и вообще – всем.

Единственная надежда, перерастающая в уверенность, что теперь народ российский ничего не читает.

С уважением

В. Махоткин.

Антони, Франция, проездом.

2.07.2019

P.S. Уже сейчас меня знакомые спрашивают, причем здесь супница. Отвечаю. Когда мы работали в совершенно закрытом городе на секретном заводе 557, то все (сейчас можно сказать) ракеты, которые выпускались, назывались – кастрюли. А дальше шла модификация.

Так вот, самая большая межконтинентальная баллистическая ракета неограниченной дальности полёта и тому подобное (подробнее спросите у Фрумкина) получила название «Супница».

В. М.

2.07.2019

Часть вторая или десять лет спустя

Записки Исполнительного директора МПОО «Светит незнакомая звезда» Махоткина Владимира, записанные им лично и частично продиктованные стенографу Рафаилу

Вот так годы пошли-полетели. Мы и не ожидали, что вместо госзаказа теперь нужен контракт, вместо «Волги» – «Ниссан» или «Мерс», вместо – на троих – никакой вообще выпивки.

То есть, на общем собрании, это у нас стала такая демократия, на собрании вдруг наш президент объявил – ежели в пределах двух километров от завода – выпивка или пьянка (что одно и то же в конечном итоге), – увольнение сотрудника немедленно.

И чё. Трудовой коллектив поддержал. Видел, некоторые переглядывались, но! Конечно, город не выживает. Жрать, как в сороковом, нечего. И пошла у нас гулять поговорка:

«В сороковые – все отдали.
Нынче жрать все перестали.
Есть в продаже ножки Буша,
Жри и никого не слушай».

И еще одна, но ее по причине, что я – исполнительный директор – поизносить уже не имею права.

Да, наш Исаак, начали говорить профсоюзники, начал чудить. Но смотри, товарищ Махоткин, народ сейчас другой. у нас идет полная демократия с плюрализмом. И вы все должны быть просто лицом к народу. А не другим местом.

Забыл, идиот, как раньше было. Директора нашего 557 и не видел никто. А сейчас он на заслуженном. Звонил недавно, мол, «мне бы поговорить с товарищем Фрумкиным».

Да чё там, жизнь так стала меняться, что никаким пером не описать.

Ведь надо же! То были парни – как парни. На танцах в горсаду могли, конечно, и подраться по молодости, ну, мы все этим грешили. Но чтоб так, с автоматами да битами да к нам на завод, на захват ево – этого даже в истории партии примера не найдешь.

Токо может на Ленских приисках, когда рабочие хотели золото купецкое к рукам прибрать.

А я, кстати, из партии не вышел. Из прынцапа.

А-то все кричали – побежали, как крысы... И кто побегал? Да, правильно, весь обком и райком города. А вот мы, кто шестым бессменно на доске почета, вот мы и остались. Рабочая косточка.

Ну, собрал нас, руководство, Моисеевич и говори:

– Господа-товарищи, наши органы доложили мне, что го-

товится захват завода. И уже даже организуют сложности с поставкой металла. Поэтому прошу начальников цехов вооружить добровольцев. Кто не хочет – не заставляй, не смеяться. Жизнь, она ведь такая, то вдруг подымет высоко, то наземь бросит глубоко.

Ишь, подумал я, видать Моисеич на ночь нашего Пушкина читает.

– И еще. Наш начальник спецхраны Алексей Петрович Барабашкин настаивает – учредить охрану президента, исполнительного директора и еще трех ответственных лиц завода: главного бухгалтера, зав производством и спецотдела.

Мы согласились, хотя посмеивались: мол, как в туалет, с охраной или без. А наш Леха такой стал серьезный. Мне как-то сказал: я снова жить начал, вроде в спецназе, но без выходов днем и ночью.

Я сразу вопрос задаю, так, для шутки.

– Да ночью, Алексей Петрович, какая опасность-то?

А он серьезно, но шепотом:

– А жена. Она покушается на самое святое. И ночью, когда организм бесконтрольный и захватить меня врасплох она может на раз! Не может простить моего обрезания.

Ну, что здесь возразишь. Я, хоть и исполнительный директор, а понимаю, что ночью может сделать жена, захватившая тебя врасплох. Хоть ты и остался на доске почета.

В общем, с первым захватом мы справились легко.

Наши рабочие дружины просто стояли молча и не реа-

гировали на матерные тирады «захватчиков». Иногда, когда кто-то из рабочих узнавал в шкодливых «бойцах» знакомого, то шла готовая фраза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.